

ЧЕЗАРЕ

ЛОМБРОЗО

Вдохновение и впечатлительность —
единственные орудия гения

Гений есть нечто вроде нервной ненормальности,
нередко переходящее в настоящее сумасшествие

Фантазия талантливого человека
воспроизводит уже найденное, фантазия
гения — совершенно новое

ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ПОМЕШАТЕЛЬНОСТЬ

С КОММЕНТАРИЯМИ
И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Популярная философия с иллюстрациями

Чезаре Ломброзо

Гениальность и помешательство

«Издательство АСТ»

1863

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

Ломброзо Ч.

Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо — «Издательство АСТ», 1863 — (Популярная философия с иллюстрациями)

ISBN 978-5-17-152775-4

Чезаре Ломброзо — крупнейший итальянский философ-позитивист, психиатр и профессор судебной медицины. Центральной темой его главного труда «Гениальность и помешательство» стала идея о прирожденном преступнике. Ломброзо считал, что преступления совершают люди с набором определенных внешних данных и психологических характеристик. Будучи родоначальником оригинальной концепции творчества как сочетания патологических состояний, Ломброзо объяснял вдохновение как неразумное использование психической энергии, которое порождает оригинальные результаты и способствует прогрессу культуры. Его идеи и научные исследования оказали заметное влияние на развитие таких наук как криминология, психопатология творчества и позитивистская антропология. Все тексты снабжены подробными комментариями и разъяснениями профессора РГГУ А.В. Маркова. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1(091)

ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-152775-4

© Ломброзо Ч., 1863

© Издательство АСТ, 1863

Содержание

Философ гениальной материи	6
Гениальность и помешательство	12
Предисловие автора к четвертому изданию	12
I	14
II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Чезаре Ломброзо

Гениальность и помешательство

* * *

© А. В. Марков, составление, предисловие, комментарии, 2022

© Издательство АСТ, 2022

Философ гениальной материи

Бывают философы, которые сразу еще при жизни входят в канон, как Лейбниц или Гегель – все знают, что они предложили немало нового, без чего не смогут развиваться частные научные отрасли. Бывают и те философы, которые нуждаются в посредниках, чтобы их приняли для изучения в школе или в университете, – например, Сократ прямо называл себя философом, но чтобы он попал в учебники, требовалось, чтобы Платон записал его выступления и показал, что метод провоцирующих вопросов применим и к самым главным проблемам бытия. Бывают философы-посредники, своего рода продюсеры философии: например, только специалисты знают, кто такой Алоис Риль, но без трудов Рилия Ницше не вошел бы в канон обязательных философов, оставшись чудаковатым писателем со склонностью к головокружительным парадоксам.

Чезаре Ломброзо не называл себя философом вовсе, но он вполне отвечает всем трем рубрикам. Уже при жизни он был знаменит, так что его появление в театре или в суде могло изменить настроение всей публики, внушить новую политическую или социальную идею. У него были посредники, которые и оформили его научные поиски и догадки в завершённую систему, прежде всего Энрико Ферри (1856–1929) и барон Рафаэль Гарофало (1851–1934), объединившие юридические, антропологические и психологические достижения учителя в науку о множественности факторов социального и нравственного развития. Наконец, он, будучи вполне самостоятельным и смелым исследователем, оказался сам посредником для такого ведущего движения в философии XIX века, как позитивизм, – учения о том, что естественнонаучные представления, термины и различия могут лечь в основу наук об обществе и культуре.

Чезаре Ломброзо (1835–1909) родился в Вероне, в богатой и многодетной еврейской семье. Этот североитальянский город находился тогда под властью Австрийской Империи, что было хорошо для семьи: в Австрии, в отличие от Германии, торжествовала веротерпимость и антисемитизм встречался редко. Вместе с тем, Ломброзо вспоминал свое детство как жизнь в оккупации: австрийские солдаты на улицах с их муштрой, цензура и опасения сказать что-то лишнее, противоречивые распоряжения городской администрации и навязчивая бюрократия – всё это казалось противоречащим итальянскому духу. Потом, когда он приехал в Варшаву, входившую в состав Российской Империи, он тоже обращал внимание на казармы, заставы и канцелярии и мечтал о том, чтобы всех этих наслоений не было, всех этих противоречащих природе предрассудков социального существования, вызванных желанием насилия, но чтобы в живой жизни восторжествовали все прочие желания, кроме насилия.

В университете Ломброзо изучал литературу и археологию, пытаясь проникнуть в сокровища подлинно римского духа, скрытые за обветшавшими строениями эпох и культур. Но он был универсалом, и весьма рано, в середине 1850-х годов, стал исследовать такую патологию как кретинизм, или умственную отсталость, объезжая города и деревни Ломбардии. Это юношеское исследование определило его научное мировоззрение на десятилетия вперед: ведь кретинизм, в отличие от других психических недугов, имел простую причину – нехватку питания в голодные годы. Ломброзо, конечно, связал очевидные вещи: недобор массы тела и умственную неразвитость, и затем во всех последующих трудах просто более искусно и неожиданно, но так же жестко связывал материальные физические и психические параметры объектов.

Следует напомнить читателю, чем было тогда итальянское Рисорджименто – движение за объединение страны. В те годы за ним стоял тенью Наполеон III, считавший, что единая Италия станет лучшим союзником Франции на юге Европы, настоящей морской державой, которая позволит Франции диктовать свою волю и Англии, и Германии хотя бы в средиземноморских делах. Конечно, Наполеон III не всегда понимал реальные экономические законо-

мерности, приведшие к торжеству британского флота на всех морях; но он был слишком деятельным и не признавал никаких препятствий, так что охотно оказывал поддержку всем силам, которые собирались создать единое итальянское государство с центром в Риме. Вождь французов заручился нейтралитетом России, враждовавшей против Англии и Австрии после Крымской войны, и опираясь на низы, на авантюристов и любителей повоевать, как он делал и во внутренней политике, начал бои.

Войсками командовал король Пьемонта Виктор Эммануил II, решивший стать королем всей Италии и уже в 1861 году добившийся своего. Военные действия сопровождались восстаниями, референдумами, объединением провинций, и состояли из множества локальных сражений. Понятно, что таким смутам, охватившим всю Италию, предшествовали брожения – сам Ломброзо успел отсидеть в тюрьме по обвинению в заговоре, но был вскоре отпущен с очередной победой итальянцев и отправился на фронт врачом-санитаром. Сразу после окончания общеитальянской войны он вернулся к спокойной академической карьере, но быстрые исторические перемены впечатлили его как ничто другое.

Ведь Ломброзо видел, как вдруг в малых и спокойных городах возникают армии, партии, парламенты и министерства, и это навело его на главную интуицию его позитивизма: он предположил, что ближайшие материальные условия, например, климат и рельеф местности, и определяют жизнь духа. Такова и была идеология Рисорджименто, итальянского объединения: надлежало поверх местных традиций сказать, что есть итальянцы вообще, как южане, которые артистичны, душевны и даже легкомысленны – иначе как объяснить такое быстрое создание национального государства. И конечно, на них здесь повлиял климат, живописные ландшафты и боевой темперамент в крови – такой наскоро изобретенный идеал итальянца поддерживал, например, Дж. Верди в своих операх, пока он не был оспорен сначала технократизмом футуризма, а потом – сострадательностью неореалистического кино.

Карьера Ломброзо после окончания войн складывалась быстро: уже в 1862 году он становится профессором психических болезней в университете Павии. Там он начинает читать несколько курсов, и «Гениальность и помешательство» (буквально, «Гений и безумие», *Genio e follia*) – это один из прочитанных в университете курсов, превращенный в книгу. Первое издание ее вышло в 1864 году и сразу сделало автора знаменитым. Первичным материалом для него стало наблюдение за рисунками и стихами пациентов местных лечебниц, но также и чтение большого числа книг о гениях. Вскоре Ломброзо, не оставляя преподавания, возглавил Клинику душевных заболеваний в Пейзаро, но также и путешествовал по стране, чтобы собирать необходимую статистику по психическим патологиям.

Основной его интерес постепенно смещался от психологии творчества и от исключительных состояний к более общим социальным закономерностям. Надо было преодолеть влияние романтизма, в котором народный дух объявлялся таинственным и непостижимым – такая игра в тайны совсем не соответствовала остроте и все большей жесткости политических отношений в мире, где всем предстояло стать практичнее, решительнее и даже бодрее. Сначала он попытался создать общую теорию рас, как раз поставив в зависимость от климата и ландшафта поведение различных народов – эта теория, хотя и составляет давно отвергнутое далекое прошлое науки, была тогда актуальна на фоне набиравшей мощи Германии, политического и экономического подъема в обеих Америках, что и поставило под вопрос, насколько римское наследие может считаться универсальным основанием права и культуры. Поэтому вслед за исследованием «рас», иначе говоря, характеров разных народов и их предрасположенности к различным военным и мирным занятиям, Ломброзо перешел к тотальной критике старой теории права, не принимая как систему римского права, так и кодекс Наполеона. Он решил реформировать право на основе естественных наук и психологии, прежде всего теории эволюции, объясняя правовые отношения по образцу природных, например, сопоставляя поведение преступников

и хищников и требуя сохранения человеческой природы от вторжения звериных агрессивных атавизмов.

В 1876 году Ломброзо стал профессором юридической психиатрии и криминальной антропологии в Турине, ознаменовав приобретение кафедры выпуском новой книги «Преступный человек». В ней он пытался доказать, что существуют биологические признаки, которые делают человека предрасположенным к различным преступлениям. Как в природе определенное строение зубов делает зверя хищным или травоядным, так и в человеческой жизни, например, полные губы и приплюснутый нос делают мужчину насильником, а сросшиеся брови – убийцей. Ломброзо составил целые атласы, смешивая главные биологические признаки со второстепенными, пытаясь отыскать сложную, но однозначную формулу преступных типов. В Турине Ломброзо и провел остаток жизни, фактически руководя всеми психиатрическими исследованиями.

Конечно, Ломброзо много критиковали и при жизни, и после смерти. Его обвиняли прежде всего в нарушении медицинской этики: как он посмел выставлять диагнозы поэтам, художникам и изобретателям отдаленных эпох только по случайным биографическим данным, что нарушает и врачебную тайну, и профессиональное требование очного разговора с пациентом. Но также его критиковали и за произвол в выделении преступных типов в его криминологической системе: во-первых, само социальное устройство нельзя было привести в соответствие с биологическими ожиданиями, что кто-то с обезьяньими атавизмами склонен к преступлению (например, в одном из первых исследований, проверявших данные Ломброзо, оказалось, что $\frac{2}{3}$ солдат вполне подходят под патологические криминологические характеристики), во-вторых, криминология Ломброзо отменяет презумпцию невиновности, а значит, и любые духовные основы права. Одним из первых критиков Ломброзо стал Франц фон Лист, двоюродный брат знаменитого композитора, увидевший опасность идей Ломброзо в том, что они отменяют состязательный принцип права, ставя на место честного спора естественнонаучную экспертизу.

Но чтобы понять позицию Ломброзо, надлежит прежде всего дать отчет, что он стал итальянским эмиссаром европейского позитивизма. Все знают, что позитивизм – это философское движение XIX века, распространившее теорию эволюции и другие открытия в естественных (как тогда говорили «позитивных», положительных) науках на социальную и культурную жизнь. Для позитивиста мысль или искусство – такое же проявление природной необходимости, как инстинкт или нервная реакция. Может быть, это проявление сложнее и неоднозначнее, но оно является такой же частью развития живой материи.

Позитивизм был направлен против идеи свободы воли, как ее сформулировал Кант, противопоставивший свободу воли (*Freie Wille*) как правовое основание бытия нашей личности среди других личностей и произвол (*Willkür*) как результат ложных убеждений и установок. По Канту, свобода воли основана на том, что мы признаем за другим те же права, что и за собой, что мы можем стать своими для других и другом для своих; а значит, мы можем принять то решение, которое никак не следует из природной необходимости, но только показывает, что мы действуем в своем праве, не нарушая права других. Тогда как произвол, самодурство – это как раз неумение чтить права личности, это убеждение в асимметрии правовых отношений, что я могу сделать с другим то, что он не может, не должен или не посмеет сделать со мной.

Для позитивистов концепция Канта слишком тесно связана с мечтами эпохи Просвещения о всеобщем равенстве, о полном предоставлении каждой личности всех гражданских прав. Позитивисты говорили, что в человеке слишком сильно животное начало, слишком велика косность материи, слишком ощущается действие природы с ее императивом выживания, чтобы можно было признать просветительские конструкции достоверными. Такая позитивистская позиция встречается и в наши дни, например, в книге «Эгоистичный ген» Р. Докинза; и ей противопоставляется новое или «темное» Просвещение, социальный конструктивизм, часто

устанавливающий уже равенство по правомочности не только всех людей, но и людей, животных и вещей, как в объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана или акторно-сетевой теории Бруно Латура.

Но у позитивизма было немало заслуг перед наукой: как в наши дни Р. Докинз создал гениальный термин «мем», так и тогда вождь британских позитивистов Герберт Спенсер (1820–1903) обосновал понятие психической энергии как главного содержания биологической и социальной жизни; энергии, которую можно накапливать и тратить. Именно это представление Спенсера укоренилось в языке, когда мы, например, говорим, что на отдыхе восстанавливаем силы и заряжаемся. И по сути, теория гениальности как помешательства, выдвинутая Ломброзо – лишь усиленная теория психической энергии: гений творит, не просто накопив энергию, а дав ей безраздельно накапливаться, и не регулирует разрядку психической энергии, а пускает дело на самотек, весь отдавая себя творчеству. Поэтому гений может рассматриваться как психопат, а может – как аномальный случай того, что делают все люди в работе с собственной психической жизнью, как то самое исключение, которое позволяет лучше понять правило.

Но для Ломброзо был ближе французский позитивизм. Наверное, самый близкий его заочный последователь, чьи идеи Ломброзо предвосхитил на совсем другом материале – Жан-Мари Гюйо (1854–1888), писатель и философ, объяснявший, что Кант был неправ в своей этике – ведь и удовлетворение личных потребностей, и нравственный поступок прежде всего дают нам чувство удовлетворения, а потом уже задним числом под это подводится идея автономии личности. Гюйо считал, что вся нравственность человека – это работа со своей энергией: например, героический поступок позволяет почувствовать своё могущество, а значит, силой мысли расширить резервуар, в который поступает психическая энергия. Возвеличив себя не иллюзорно, ты и получаешь большую дозу вполне реальной энергии; и героизм соответствует инстинкту размножения у животных, которое требует тоже хорошего питания и накопления биологической энергии. Различие между Гюйо и Ломброзо только в том, что Гюйо не считал творчество чем-то отличающимся от простой деятельности, для него эрос в природе и эрос в искусстве лежат на одной плоскости, тогда как Ломброзо считает, что в творчестве проявляется не только личная история, но и память поколений, а значит, оно качественно отличается от питания, любви или рутинного труда. Здесь видна разница между французом, множущим параллели и мыслящим метафорами, как делают часто и современные французские философы, и итальянцем еврейского происхождения, который хорошо помнит, что местные предания и корни не дадут о себе забыть, каким бы космополитом ты со своим итальянским происхождением ни хотел стать. Вообще, Ломброзо был патриотом еврейства: считая, что среди евреев много талантов, гениев и безумцев, он объяснял это страданиями народа и естественным отбором, что выживали только духовно сильные, передававшие приобретенные свойства следующим поколениям.

В генеалогическом интересе Ломброзо оказывается близок к другому французскому позитивисту, Бенедикту Огюстену Морелю, который создал теорию наследственных патологий и вырождения, иначе говоря, накопления мутаций. Эту теорию потом обращали не раз против символизма и модернизма, видя в новом искусстве скопище стилистических мутаций; достаточно вспомнить книгу «Вырождение» (1892) Макса Нордау, ненавистника новаторов в искусстве и деятеля раннего сионизма. Так и Ломброзо, нередко ссылавшийся на Мореля, считал, что помешательство творческого человека может определяться генетикой, влиянием природных аномалий и социальных неурядиц, болезней, в том числе наследственных; иначе говоря, тем самым злокачественным наследованием, которое и привело к качественной мутации. Заметим, что здесь эта мутация оказывается результатом не отдаленных генетических влияний, но самого широкого генезиса творческого акта, включая непосредственные воздействия прямо в момент создания произведения: для Ломброзо было не так важно, влияет ли на безумие в данные минуты творческой одержимости маньяк-прадедущка или дурной запах,

уловленный в момент написания стихотворения. Именно поэтому он так смело раздаёт диагнозы людям, жившим много веков назад: если для него тысяча лет генеалогии как единый миг тяжелого впечатления, то почему нельзя говорить о давно прошедшем как о лежащем под рукой? Вообще, множественная генеалогия отдельных экстаических действий, своего рода ребус – фирменный знак философии Ломброзо: например, он выводил человеческий поцелуй одновременно из животного инстинкта кормления как главного проявления любви и животного же фырканья как предельного возбуждения.

Критики ловили перформативное противоречие (несоответствие смысла высказывания его назначению) в первой же фразе книги: Ломброзо говорит, что писал труд почти в исступлении, но при этом от первой страницы до последней порицает исступление как творческое безумие, требующее тщательного критического анализа научными методами. Тогда почему ученый должен был прийти в исступление? На это можно ответить, обратившись еще к одному французскому позитивисту, основателю экспериментальной физиологии, однокашнику Мореля – Клоду Бернару; тому самому, которого боготворил Эмиль Золя, а Достоевский устами своего героя осуждал за сведение личностей к типам. Бернар исходил из того, что понять в том числе душевное расстройство можно только тогда, когда ты правильно определил условия эксперимента, например, понял, сколь долго человек терпит какое-то неудобство, а когда наконец недовольство прорывается наружу. Если мы не будем учитывать того, что человек не сразу раскрывает все карты своей душевной жизни, мы просто ошибемся, говорил Бернар, в большинстве диагнозов. В сравнении с прогрессивным реалистом Бернаром Ломброзо казался немного старомодным, но в целом он вполне предвосхитил все его мысли: нужно самому понять, когда именно тебе мешает твоя гениальность, твое вдохновение, твой избыток мыслей или чувств, в какой момент ты переходишь от молчаливого недовольства к громкому, и только тогда можно понять и других людей, отличившихся в различных видах творчества.

Также и криминология Ломброзо, как основателя итальянской антрополого-социологической школы права, исследование форм нравственного помешательства и противоречивых манер преступника, была полемична по отношению и к римскому, и к британскому праву. Если Иеремия Бентам учил, что преступление есть некий эксцесс, который может быть нейтрализован эксцессом последующего наказания, то Ломброзо утверждал, что существует «опасное состояние», иначе говоря, определенная звериность преступников, которые могут совершить преступление, если им не препятствуют нарочно: просто реализовав смерть и хищничество, заложенные в природе. Дело общества – по-разному предотвращать это опасное состояние: и если Ломброзо склонялся к тому, чтобы изолировать от общества всех, в ком он считает физиологические черты преступной личности, то его ученики, Ферри и Гарофало, уже нюансировали разные варианты преступного поведения, от закоренелой страсти до случайного аффекта. Так та теория, которая в изначальном оформлении нам представляется расистской и репрессивной, во втором поколении способствовала дифференцированному учету обстоятельств, которые прежние правоведы поспешно обобщали. Конечно, роман Л. Н. Толстого «Воскресение» был ответом Ломброзо, с которым писатель встретился в 1897 году: Толстой показывал, что нельзя назвать никого преступником, не рассмотрев поэтапно, с привлечением и всей просвещенной читательской публики, всех обстоятельств дела.

При этом встреча эта была знаменательной: Ломброзо понял творческий метод Толстого, как он писал неразборчиво на клочках бумаги, а потом Софья Андреевна делала из этих записок ясный и великолепный текст. В каком-то смысле труд «Гениальность и помешательство» устроен так же, как работа Толстого по Ломброзо: поэт или изобретатель толком не знает, почему и как он делает то, что делает; но приходит Ломброзо как знаток и систематизатор всех этих безумцев и представляет ясно и убедительно, в связном и величественном тексте, что именно произошло в психической жизни каждого. И при чтении книги Ломброзо нам нужно быть и немного Львом Николаевичем Толстым, сразу представляя множество героев в вооб-

ражении, и немного Софьей Андреевной, следя за тем, как аргумент не менее ясен, чем написанный как лучшие образцы беллетристики текст.

Александр Марков, профессор РГГУ

6 июля 2022 г.

Гениальность и помешательство

Предисловие автора к четвертому изданию

Когда много лет тому назад, находясь как бы под влиянием экстаза (*raptus*), во время которого мне точно в зеркале с полной очевидностью представлялись соотношения между гениальностью и помешательством, я в 12 дней написал первые главы этой книги¹. Признаюсь, даже мне самому не было ясно, к каким серьезным практическим выводам может привести созданная мною теория. Я не ожидал, что она даст ключ к уразумению таинственной сущности гения и к объяснению тех странных религиозных маний, которые являлись иногда *ядром великих исторических событий*, что она поможет установить новую точку зрения для оценки художественного творчества гениев путем сравнения произведений их в области искусства и литературы с такими же произведениями помешанных и, наконец, что она окажет громадные услуги судебной медицине.

Экстаз (raptus) – буквально это латинское слово означает «восхищение», прорыв к неведомому. Образ этот восходит к апостолу Павлу, который видел преимущество своих богословских достижений в том, что он был «восхищен до третьего неба» (2 Кор. 12, 2).

Ядром великих исторических событий Ломброзо рассматривает роль в истории харизматиков, таких как Лютер и Наполеон, и считает, что, анализируя психопатологию таких деятелей, можно будет предугадывать развитие исторических событий.

В таком важном практическом значении новой теории убедили меня мало-помалу как документальные работы Адриани, Паоли, Фриджеро, Максима Дюкана, Рива и Верга относительно развития артистических дарований у помешанных, так и громкие процессы последнего времени – Манжионе, Пассананте, Лазаретти, Гито, доказавшие всем, что мания писательства не есть только своего рода психиатрический курьез, но прямо особая форма душевной болезни и что одержимые ею субъекты, по-видимому, совершенно нормальные, являются тем более опасными членами общества, что сразу в них трудно заметить психическое расстройство, а между тем они бывают способны на крайний фанатизм и, подобно религиозным маньякам, могут вызывать даже исторические перевороты в жизни народов. Вот почему заняться вновь рассмотрением прежней темы на основании новейших данных и в более широком объеме показалось мне делом чрезвычайно полезным. Не скрою, что я считаю его даже и смелым ввиду того ожесточения, с каким риторы науки и политики, с легкостью газетных борзописцев и в интересах той или другой партии, стараются осмеять людей, доказывающих вопреки бредням метафизиков, но с научными данными в руках полную невменяемость вследствие душевной болезни некоторых из так называемых «преступников» и психическое расстройство многих лиц, считавшихся до сих пор, по общепринятому мнению, совершенно здравомыслящими.

Мания писательства – графомания, которую Ломброзо понимает широко, не просто как готовность писать тексты, но как готовность

¹ Гениальность и помешательство. Введение к курсу психиатрической клиники, прочитанному в Павианском университете. Милан, 1863. (Здесь и далее примечания принадлежат переводчице, за исключением примечаний автора, специально так отмеченных, переводы иноязычных текстов в квадратных скобках, выполнены научным редактором, также в квадратных скобках даны уточнения научного редактора. Текст перевода публикуется без изменений, написание известных имен приведено к современной норме, отдельные случаи неточностей и ошибок в переводе оговариваются в комментариях.)

агитировать других, давать свои объяснения всем явлениям, рассуждать о политической и общественной жизни, ни в чем себя не сдерживая. В такой мании он подозревает демагогию и опасность больших перемен. Далее в последних главах он рассматривает в том числе графоманию в узком смысле, научную и художественную, а манию писательства видит в религиозных сектантах и политических авантюристах.

На язвительные насмешки и мелочные придирки наших противников мы, по примеру того оригинала, который для убеждения людей, отрицавших движение, двигался в их присутствии, ответим лишь тем, что будем собирать новые факты и новые доказательства в пользу нашей теории. Что может быть убедительнее фактов и кто станет отрицать их? Разве одни только невежды, но торжеству их скоро наступит конец.

*Профессор Ч. Ломброзо
Турин, 1 января 1882 г.*

I

Введение в исторический обзор

В высшей степени печальна наша обязанность – с помощью неумолимого анализа разрушать и уничтожать одну за другой те светлые, радужные иллюзии, которыми обманывает и возвеличивает себя человек в своем высокомерном ничтожестве; тем более печально, что взамен этих приятных заблуждений, этих кумиров, так долго служивших предметом обожения, мы ничего не можем предложить ему, кроме холодной улыбки сострадания. Но служитель истины должен неизбежным образом подчиняться ее законам. Так, в силу роковой необходимости он приходит к убеждению, что любовь есть, в сущности, не что иное, как взаимное влечение тычинок и пестиков... а мысли – простое движение молекул. Даже гениальность – эта единственная державная власть, принадлежащая человеку, пред которой не краснея можно преклонить колена, – даже ее многие психиатры поставили на одном уровне с склонностью к преступлениям, даже в ней они видят только одну из тератологических (уродливых) форм человеческого ума, одну из разновидностей сумасшествия. И заметьте, что подобную профанацию, подобное кощунство позволяют себе не одни лишь врачи и не исключительно только в наше скептическое время.

Холодной улыбки сострадания – Ломброзо придерживается классической античной этики, в которой сострадание рассматривалось как аффект, страсть, мало чем способная помочь тому, кому страдают, а разве что тешащая эгоизм страдающего. В античной героической этике сострадание считалось признаком трусости, ставилось в один ряд со снисходительностью, готовностью идти на компромиссы и противопоставлялось «великодушию», как называли бескомпромиссное мужество.

Еще Аристотель, этот великий родоначальник и учитель всех философов, заметил, что под влиянием приливов крови к голове «многие индивидуумы делаются поэтами, пророками или прорицателями и что Марк Сиракузский писал довольно хорошие стихи, пока был маньяком, но, выздоровев, совершенно утратил эту способность». Он же говорит в другом месте:

«Замечено, что знаменитые поэты, политики и художники были частью меланхолики и помешанные, частью – мизантропы, как Беллерофонт. Даже и в настоящее время мы видим то же самое в Сократе, Эмпедокле, Платоне и других, и всего сильнее в поэтах. Люди с холодной, избыточной кровью (букв. желчь) бывают робки и ограниченны, а люди с горячей кровью – подвижны, остроумны и болтливы».

Платон утверждает, что бред совсем не есть болезнь, а, напротив, величайшее из благ, даруемых нам богами; под влиянием бреда дельфийские и додонские прорицательницы оказали тысячи услуг гражданам Греции, тогда как в обыкновенном состоянии они приносили мало пользы или же совсем оказывались бесполезными. Много раз случалось, что когда боги посылали народам эпидемии, то кто-нибудь из смертных впадал в священный бред и, делаясь под влиянием его пророком, указывал лекарство против этих болезней. Особый род бреда, возбуждаемого музами, вызывает в простой и непорочной душе человека способность выражать в прекрасной поэтической форме подвиги героев, что содействует просвещению будущих поколений.

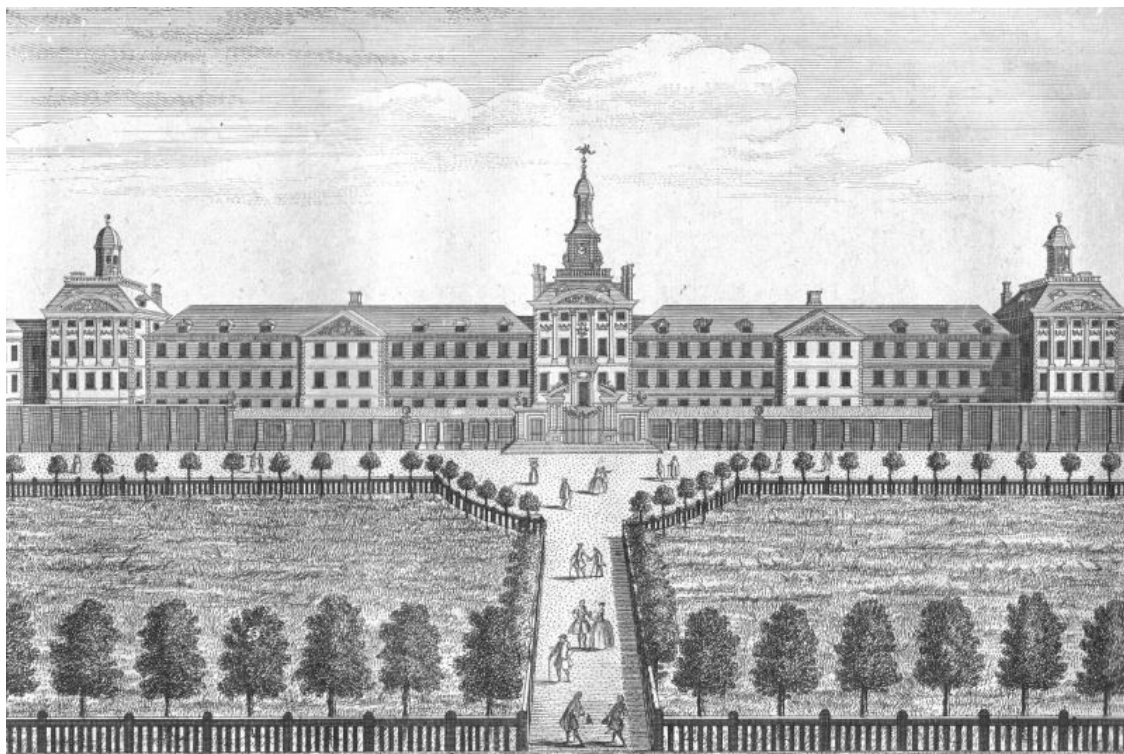
Демокрит даже прямо говорил, что не считает истинным поэтом человека, находящегося в здравом уме. *Excludit sanos Helicone poetas.*

Excludit sanos Helicone poetas – изгоняет с Геликона здравых поэтов. Античное учение, сближающее поэзию с безумием, было необходимо при становлении античного рационализма, который противостоял прежнему «жреческому», «шаманскому» использованию поэзии как языка богов. Платон и Аристотель не раз указывали, что поэзия дает противоречивое представление о богах, например, они в поэзии и совершенны, и нуждаются в жертвах людей, – тогда как философия свободна от этого недостатка.

Вследствие подобных взглядов на безумие древние народы относились к помешанным с большим почтением, считая их вдохновенными свыше, что подтверждается, кроме исторических фактов, еще и тем, что слова *mania* – по-гречески, *navi* и *mesugan* – по-еврейски, *anigrata* – по-санскритски означают и сумасшествие, и пророчество.

От греческого слова «мания» произошло понятие «мантика», искусство гадания и пророчества. Связь пророчества и безумия есть и в русских словах вроде «блажить», которые подразумевают и безумную речь, и какие-то изначально благие и божественные намерения.

Феликс Платер утверждает, что знал многих людей, которые, отличаясь замечательным талантом в разных искусствах, в то же время были помешанными. Помешательство их выразилось нелепой страстью к похвалам, а также странными и неприличными поступками. Между прочим, Платер встретил при дворе пользовавшихся большой славой архитектора, скульптора и музыканта, несомненно сумасшедших. Еще более выдающиеся факты собраны Ф. Газони в Италии, в «Больнице для неизлечимых душевнобольных». Сочинение его переведено (на итальянский язык) Лонгоалем в 1620 году. Из более близких к нам писателей Паскаль постоянно говорил, что величайшая гениальность граничит с полнейшим сумасшествием, и впоследствии доказал это на собственном примере. То же самое подтвердил и Гекарт (Descartes) относительно своих товарищей, ученых и в то же время помешанных, подобно ему самому. Наблюдения свои он издал в 1823 году под названием «Стултициана, или Краткая библиография сумасшедших, находящихся в Валенсьене, составленная помешанным». Тем же предметом занимались Дельньер, страстный библиограф, в своей интересной «Histoire littéraire des fous» [Литературная история глупцов], 1860 года, Форг – в прекрасном очерке, помещенном в *Revue de Paris*, 1826 года, и неизвестный автор в «Очерках Бедлама» (*Sketches in Bedlam*. Лондон, 1873).

Феликс Платер (1536–1614) – швейцарский медик, создатель судебной медицины. Открыл обсессивно-компульсивное расстройство.

Бедлам (искаженное: Вифлеем, госпиталь Марии Вифлеемской) – лондонская психиатрическая больница, работающая с 1547 года.

За последнее время Лелю – в *Démon de Socrate* [Демон Сократа], 1856 года, и в *Amulet de Pascal* [Амулет Паскаля], 1846 года, Верга – в *Lipemania del Tasso* [Меланхолия Тассо], 1850 года, и Ломброзо в *Pazzia di Cardano* [Помешательство Кардано], 1856 года, доказали, что многие гениальные люди, например Свифт, Лютер, Кардано, Бругам и другие, страдали умопомешательством, галлюцинациями или были мономанами в продолжение долгого времени. Моро, с особенной любовью останавливающийся на фактах наименее правдоподобных, в своем последнем сочинении *Psychologia morbide* [Психология болезненных состояний] и Шиллинг в своих *Psychiatrische Briefe* [Психиатрические этюды], 1863 года, пытались доказать при помощи тщательных, хотя и не всегда строго научных исследований, что гений есть, во всяком случае, нечто вроде нервной ненормальности, нередко переходящей в настоящее сумасшествие. Подобные же выводы приблизительно сделаны Гагеном в его статье «О сродстве между гениальностью и безумием» (*Veber die Verwandtschaft Génies und Irresein*, Berlin. 1877) и отчасти также Юргеном Мейером (*Jurgen Meyer*) в его прекрасной монографии «Гений и талант». Оба эти ученые, пытавшиеся более точно установить физиологию гения, пришли путем самого тщательного анализа фактов к тем же заключениям, какие высказал более ста лет тому назад, скорее на основании опыта, чем строгих наблюдений, один итальянский иезуит, Беттинелли, в своей, теперь уже совершенно забытой, книге *Dell' entusiasmo nelle belle arti* [Об одержимости в изящных искусствах]. Милан, 1769.

II

Сходство гениальных людей с помешанными в физиологическом отношении

Как ни жесток и печален такого рода парадокс, но, рассматривая его с научной точки зрения, мы найдем, что в некоторых отношениях он вполне основателен, хотя с первого взгляда и кажется нелепым.

Многие из великих мыслителей подвержены, подобно помешанным, судорожным сокращениям мускулов и отличаются резкими, так называемыми «хореическими», телодвижениями. Так, о Ленау и Монтескье рассказывают, что на полу у столов, где они занимались, можно было заметить углубления от постоянного подергивания их ног. Бюффон, погруженный в свои размышления, забрался однажды на колокольню и спустился оттуда по веревке совершенно бессознательно, как будто в припадке сомнамбулизма. Сантейль, Кребийльон, Ломбардини имели странную мимику, похожую на гримасы. Наполеон страдал постоянным подергиванием правого плеча и губ, а во время припадков гнева – также и икр. «Я, вероятно, был очень рассержен, – сознавался он сам однажды после горячего спора с Лоу, – потому что чувствовал дрожание моих икр, чего со мной давно уже не случалось». Петр Великий был подвержен подергиваниям лицевых мускулов, ужасно искажавших его лицо.

Хореический – не от слова хорей (стихотворный размер), но от однокоренного слова хорей, пляска (ср. русское «хореография»). Имеется в виду как бы постоянная готовность сорваться с места и пуститься в пляс.

По веревке – часто веревка колокола достигала земли, чтобы можно было звонить в колокол, не поднимаясь наверх.

«Лицо Кардуччи, – говорит Мантегацца, – по временам напоминает собою ураган: из глаз его сыплются молнии, а дрожание мускулов походит на землетрясение».

Ампер не мог иначе говорить, как ходя и шевеля всеми членами. Известно, что обычный состав мочи и в особенности содержание в ней мочевины заметно изменяются после маниакальных приступов. То же самое замечается и после усиленных умственных занятий. Уже много лет тому назад Гольдинг Берд сделал наблюдение, что у одного английского проповедника, всю неделю проводившего в праздности и только в воскресенье с большим жаром произносившего проповеди, именно в этот день значительно увеличивалось в моче содержание фосфорнокислых солей, тогда как в другие дни оно было крайне ничтожно. Впоследствии Смит многими наблюдениями подтвердил тот факт, что при всяком умственном напряжении увеличивается количество мочевины в моче, и в этом отношении аналогия между гениальностью и сумасшествием представляется несомненной.

Состав мочи – повышение содержания солей в моче человека, занятого умственной работой, вполне объяснимо и физиологически: частичное обезвоживание при обильном поте. Поэтому сейчас докладчикам рекомендуется пить воду; хотя классическое выступление оратора строилось как бенефис актера, который должен постоянно жестикулировать и не имеет права есть и пить на сцене.

На основании такого ненормального изобилия мочевины или, скорее, на основании этого нового подтверждения закона о равновесии между силой и материей, управляющего всем миром живых существ, можно вывести еще и другие, более изумительные аналогии: например, седина и облысение, худоба тела, а также плохая мускульная и половая деятельность, свойственные всем помешанным, очень часто встречаются и у великих мыслителей. Цезарь боялся

бледных и худых Кассиев. Д'Аламбер, Фенелон, Наполеон были в молодости худы, как скелеты. О Вольтере Сегюр пишет: «Худоба доказывает, как много он работает; изможденное и согбенное тело его служит только легкой, почти прозрачной оболочкой, сквозь которую как будто видишь душу и гений этого человека».

Худоба интеллектуала, в противоположность корпулентности человека физического труда, стала общим местом еще в античности наравне с рассеянностью – интеллектуалу не принадлежит его хозяйство, он работает при университете или библиотеке, и поэтому не может хозяйски распорядиться даже своим телом. До сих пор образ человека, который за книгами забывает пообедать, востребован в культуре. При этом для некоторых интеллектуалов, например Фомы Аквинского, корпулентность подчеркивалась.

Бледность всегда считалась принадлежностью и даже украшением великих людей. Кроме того, мыслителям наравне с помешанными свойственны: постоянное переполнение мозга кровью (гиперемия), сильный жар в голове и охлаждение конечностей, склонность к острым болезням мозга и слабая чувствительность к голоду и холоду.

О гениальных людях, точно так же как и о сумасшедших, можно сказать, что они всю жизнь остаются одинокими, холодными, равнодушными к обязанностям семьянина и члена общества. Микеланджело постоянно твердил, что его *искусство заменяет ему жену*. Гёте, Гейне, Байрон, Челлини, Наполеон, Ньютон хотя и не говорили этого, но своими поступками доказывали еще нечто худшее.

Нечто худшее – готовность манипулировать женщинами, легко с ними расставаться. Из этого ряда выбивается Ньютон, строго соблюдавший celibat; вероятно, он включен в этот ряд как человек, столь же не склонный к нормальной семейной жизни, как и предшествующие.

Нередки случаи, когда вследствие тех же причин, которые так часто вызывают сумасшествие, т. е. вследствие болезней и повреждений головы самые обыкновенные люди превращаются в гениальных. Вико в детстве упал с высочайшей лестницы и раздробил себе правую теменную кость. Гратри, вначале плохой певец, сделался знаменитым артистом после сильного ушиба головы бревном. Мабильон, смолоду совершенно слабоумный, достиг известности своими талантами, которые развились в нем вследствие полученной им раны в голову. Галль, сообщивший этот факт, знал одного датчанина-полуидиота, умственные способности которого сделались блестящими после того, как он, 13 лет, свалился с лестницы головой вниз². Несколько лет тому назад один кретин из Савойи, укушенный бешеной собакой, сделался совершенно разумным человеком в последние дни своей жизни. Доктор Галле знал ограниченных людей, умственные способности которых необыкновенно развились вследствие болезней мозга (midollo).

«Очень может быть, что моя болезнь (болезнь спинного мозга) придала моим последним произведениям какой-то ненормальный оттенок», – говорит с удивительной прозорливостью Гейне в одном из своих писем. Нужно, впрочем, добавить, что болезнь отразилась таким образом не только на его последних произведениях, и он сам сознавал это. Еще за несколько месяцев до усиления своей болезни Гейне писал о себе (Correspondance inédite [Неизданная переписка]. Paris, 1877):

² Покойный митрополит Московский Макарий [Булгаков (1816–1882), церковный ученый, автор «Истории Русской Церкви» и базового учебника по догматическому богословию], отличавшийся замечательно светлым умом, был до того болезненным и тупым ребенком, что совершенно не мог учиться. Но в семинарии кто-то из товарищей во время игры прошиб ему голову камнем, и после того способности Макария сделались блестящими, а здоровье совершенно поправилось.

Мое умственное возбуждение есть скорее результат болезни, чем гениальности, – чтоб хотя немного утишить мои страдания, я сочинял стихи. В эти ужасные ночи, обезумев от боли, бедная голова моя мечется из стороны в сторону и заставляет звенеть с жестокой веселостью бубенчики изношенного дурацкого колпака.

Тяжелой мигренью страдал не только Гейне, но и Ницше. Обычно мигрень сопряжена у интеллектуалов с депрессивными состояниями.

Биша и фон дер Кольк заметили, что у людей с искривленной шеей ум бывает живее, чем у людей обыкновенных. У Конолли был один больной, умственные способности которого возбуждались во время операций над ним, и несколько таких больных, которые проявляли особенную даровитость в первые периоды чахотки и подагры. Всем известно, каким остроумием и хитростью отличаются горбатые; Рокитанский пытался даже объяснить это тем, что у них аорта, давя на сосуды, идущие к голове, делает изгиб, следствием чего является расширение объема сердца и увеличение артериального давления в черепе.

Горбатые – хитрость обычно связывалась в культуре с карликами, низкорослыми и коренастыми людьми (вспомним Локи в скандинавской мифологии), тогда как горбуны скорее выступали как шуты, так как своим телом противопоставлялись наследственной стройности короля.

Этой зависимостью гения от патологических изменений отчасти можно объяснить любопытную особенность гениальности по сравнению с талантом в том отношении, что она является чем-то бессознательным и проявляется совершенно неожиданно.

Юрген Мейер говорит, что талантливый человек действует строго обдуманно; он знает, как и почему он пришел к известной теории, тогда как гению это совершенно неизвестно: всякая творческая деятельность бессознательна.

Гайдн приписывал таинственному дару, ниспосланному свыше, создание своей знаменитой оратории «Сотворение мира». «Когда работа моя плохо подвигалась вперед, – говорил он, – я, с четками в руках, удалялся в молельню, прочитывал Богородицу – и вдохновение снова возвращалось ко мне».

Богородицу – молитвы розария, читавшиеся по четкам и требовавшие медитативной концентрации.

Итальянская поэтесса Милли во время создания, почти невольного, своих чудных стихотворений волнуется, кричит, поет, бежит взад и вперед и как будто находится в припадке эпилепсии.

Те из гениальных людей, которые наблюдали за собою, говорят, что под влиянием вдохновения они испытывают какое-то невыразимо-приятное лихорадочное состояние, во время которого мысли невольно рождаются в их уме и брызжут сами собою, точно искры из горячей головни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.